

Беллу предавался воспоминаниям о Шэнь Лине каждый божий день. Теперь же, когда перед ним сидел благодарный слушатель в лице искусного мастера, его излияния сделались ещё более живописными.

— Когда я только приехал в Китай, классические инструменты меня совершенно не интересовали, — дребезжащий старческий голос Беллу звучал на удивление отчётливо. — Но Шэнь Лин частенько музицировал для меня в Обществе изящных созвучий минувшего. В конце концов даже я, ничего не смысливший в китайской музыке, научился понимать его игру — эти мотивы о госте, прибывшем издалека, или о встрече родственных душ под звуки Потоков воды.

Он расписывал всё в мельчайших деталях. Словно Шэнь Лин и впрямь играл для него по первому зову, терпеливо толкуя древние предания, стоявшие за каждой мелодией.

Чжун Ин с трудом подавлял поднимавшуюся в груди волну омерзения и ярости. Он осторожно опустил ладонь, держа её в паре миллиметров над струнами, чтобы ненароком не сорваться и не применить силу к лживому старикашке.

Основав Общество, господин Шэнь сутками напролёт сидел взаперти, расшифровывая уцелевшие рукописи Императорской музыкальной палаты. Вместе с другими музыкантами он пытался переложить на музыку старинные стихи Музыкальной палаты. Ему было попросту некогда тратить время на праздных чужестранцев.

После того благотворительного концерта, когда они собирали средства для фронта, от желающих нанести визит богачей и высокопоставленных чинуш не было отбоя.

Чжун Ин помнил строчки, которые Шэнь Лин из раза в раз оставлял в своём дневнике:

«На фронте льётся кровь, гибнут люди, а здесь никого не заботит судьба родины. Им бы только поглазеть на легендарные инструменты нашего Общества. И каждый мнит себя великим ценителем. Нин Чжиюань, вспыльчивый из-за юных лет, едва не устроил скандал, пытаясь выставить парочку таких гостей. Но коль скоро наше Общество собирает пожертвования на нужды армии, мы не вправе захлопывать двери перед дарителями. Молю лишь о том, чтобы эти крохи принесли пользу, чтобы победа наступила скорее, и в Общество изящных созвучий вернулся прежний покой».

Шэнь Лин любил тишину и уединение, а его скрытое недовольство навязчивыми гостями сквозило в каждой записи.

Даже если Беллу и впрямь ухитрился предстать перед ним, вряд ли старик услышал хоть один чистый аккорд. Шэнь Лин ни за что не удостоил бы его благосклонным взглядом, не говоря уже о том, чтобы специально играть для него, помогая «постичь суть»!

Увы, Беллу этого не понимал. Запутавшись в дебрях собственного вымысла, он с упоением расписывал, какой нежной и преданной была их дружба.

Заметив, что Чжун Ин слушает его с каменным лицом, вовсе не собираясь рассыпаться в дежурных комплиментах, старик недовольно прищурился. Он поднял дрожащую руку и указал на стену, выкладывая свой главный козырь:

— Взгляни на те письма. В каждом слове — тоска Шэнь Линя по мне и его тёплые расспросы.

Гнев в груди Чжун Ина вспыхнул с новой силой. Он процедил сквозь зубы:

— Я умею читать по-китайски...

— О, это так трогательно! — нарочито громко воскликнул Доменико, перебивая юношу. — Сколько бы я ни слушал эту историю, всякий раз поражаюсь. Вы двое — истинные Боя и Цзыци нашего времени! Господин Шэнь на небесах наверняка счастлив, видя, как преданно ты хранишь память о вашей дружбе!

К несчастью, отчаянная попытка Доменико спасти положение не принесла плодов.

Старик, сидевший в инвалидном кресле, вовсе не был глухим. Собрав лицо в сетку глубоких морщин, он вскинул голову и вперился взглядом в молодого мастера, требуя ответа:

— Раз ты умеешь читать, так скажи, что именно ты там видишь?

В горле у Чжун Ина пересохло, ярость комом застряла в груди.

Под его ладонью всё ещё едва заметно дрожали холодные струны «Изящного созвучия». Казалось, в этой вибрации отзывались напутствия учителя и тревога Доменико, удерживая его от безумного шага.

Чжун Ин смотрел на дряхлого Беллу. Ему безумно хотелось выкрикнуть старику в лицо, что Шэнь Лин до последнего вздоха грезил лишь об утерянной лютне. Хотелось швырнуть ему правду: каждое слово в этих письмах — неопровержимое свидетельство подлого шантажа!

Окажись Чжун Ин здесь при жизни господина Шэня, он бы без колебаний схватил инструмент и, наплевав на последствия, прорвался сквозь охрану поместья, чтобы вернуть реликвию законному владельцу. Даже если бы ради этого пришлось взять Беллу в заложники и совершить тяжкое преступление — он бы пошёл на всё ради покойного мастера.

Но... прошлого не веротишь.

Шэнь Лин покинул этот мир семьдесят четыре года назад. А десятиструнное «Изящное созвучие» осталось томиться в застенках этой виллы под неусыпным надзором охраны — долгие семьдесят девять лет одиночества.

Сейчас на Чжун Ина смотрели десятки глаз, а на его плечах лежал тяжкий груз ответственности перед учителем.

Их цель — не просто вызволить «Изящное созвучие». Им нужно вернуть на родину все инструменты Общества изящных созвучий, растерянные по глухим уголкам земного шара.

Юноша заставил себя перевести взгляд на стену, где висели письма — молчаливые свидетели предсмертных мук Шэнь Линя.

Беллу был омерзителен, но сейчас Чжун Ину оставалось только подыграть ему.

Сжав волю в кулак, Чжун Ин слегка коснулся пальцами тонкой тетивы струны и произнёс ровным, глуховатым голосом:

— Господин Шэнь пишет... что со всей душой желал бы исполнить для вас мелодию на десятиструнной люте.

Это была правда, но лишь наполовину — очищенная от горького контекста.

Старик довольно закивал и самодовольно захлопал в ладоши:

— Вот именно! Он рвался сыграть для меня, хотел спонсировать мои начинания и уверял, что готов решить любые мои проблемы.

Он вычленил из писем лишь те крохи, которые льстили его самолюбию, и теперь упивался этим фальшивым триумфом.

— Разумеется, даже не делай он всего этого, мы всё равно оставались бы неразлучными друзьями. Ведь так? — Беллу уставился на Чжун Ина мутными, но цепкими глазами, вымогая подтверждение.

Чжун Ин промолчал бы с удовольствием, но взгляд старика требовал немедленного ответа.

— Да, — Чжун Ин положил палец на струну, упираясь подушечкой в её жёсткое ребро, чтобы через физическую боль вернуть остатки самообладания. Он поднял взгляд на Беллу и произнёс с пугающей искренностью: — Если душа господина Шэня сейчас взирает на нас с небес, она наверняка пристально следит за каждым вашим шагом.

«Пусть смотрит, как беззастенчивый подлец упивается собственной ложью».

Беллу, не уловив скрытой издёвки, расплылся в улыбке:

— О, я тоже в этом не сомневаюсь.

Он развернул кресло ближе к инструменту.

— Погляди, какая искусная копия. А как божественно звучит под твоими пальцами! Могу лишь представить, насколько совершенен оригинал, который я когда-то передал Фань Чэньюню. Подобные шедевры искусства в Китае просто сгорели бы в пожаре войны. Только под моей опекой этот инструмент уцелел и дожил до наших дней... — Он с нежностью посмотрел на струны и вздохнул: — Жаль только, Шэнь Лин так и не приехал. Ведь эта лютня обретает душу лишь тогда, когда на ней играют.

В тишине комнаты его слова прозвучали как реквием по безвременно ушедшему музыканту.

Доменико поспешил нарушить затянувшуюся паузу:

— Ну полно, Беллу, не стоит так изводить себя воспоминаниями при каждом взгляде на инструмент. Когда Фань Чэньюнь увозил оригинал, я полностью его поддерживал — кто же знал, что ты закажешь точную копию, чтобы и дальше тихонько тосковать в этой комнате? Тебе ведь скоро девяносто семь. Ещё немного, и разменяешь сотню. Постоянная грусть вредит здоровью, побереги себя.

Доменико связывала с Беллу искренняя дружба, и никакая помощь Чжун Ину не могла пошатнуть их давних отношений.

Пока итальянец рассуждал о вековом юбилее, Чжун Ин, окончательно подавив гнев, лихорадочно соображал. В его голове созрел дерзкий план.

— Господин Беллу, — неожиданно вмешался он, оборвав болтовню Доменико. Его улыбка была столь открытой и радушной, что даже его итальянский сообщник вздрогнул от неожиданности. — Быть может, мне представится честь исполнить для вас полноценную композицию на десятиструнной лютне?

Глаза старика блеснули неприкрытым любопытством:

— Ты умеешь играть на десятиструнной?

Чжун Ин небрежно коснулся струн, и комната наполнилась чарующим резонансом «Изящного созвучия».

— С малых лет я обучался игре на семиструнной и пятиструнной цинях, так что десятиструнная мне хорошо знакома. На ней представлены все семь ступеней — гун, шан, цзюэ, чжи, юй, а также бянь-гун и бянь-чжи. Здесь можно настраивать пары струн в унисон, а при помощи восьмой, девятой и десятой струн — использовать ровный, чистый и сэ лады,

расширяя диапазон инструмента. Это позволяет извлекать как чистые, так и глухие тона, подчиняя себе все тончайшие изменения классического строя.

Профессиональное объяснение, сопровождаемое мягкими переборами, звучало весомо и красиво, но для непосвящённых оставалось китайской грамотой.

Для Доменико, который вообще не смыслил в традиционных инструментах, и даже для Беллу, считавшего себя знатоком, обилие терминов слилось в единый гул. Но одно они поняли чётко: перед ними — мастер высочайшего класса, а сама музыка великолепна.

Когда Чжун Ин закончил демонстрацию, старик не сдержал восхищённого вздоха:

— Мой мальчик, теперь я вижу, что ты настоящий виртуоз. И мне не терпится услышать твоё исполнение!

Чжун Ин принял похвалу с абсолютным спокойствием.

На его губах играла мягкая, умиротворяющая улыбка:

— Господин Беллу, вы тонко чувствуете музыку и любите «Изящное созвучие». Но достойная этого шедевра сцена находится не здесь, — юноша с сожалением развёл руками, указывая на тесноту запертой коллекции. — Этот инструмент должен звучать при полном зале. На концерте в честь вашего девяностосемилетия. Пусть его голос провозгласит на весь мир величие вашей дружбы с Шэнь Линем.

Он говорил с таким жаром, словно сам до глубины души проникся этой фальшивой легендой.

Доменико ошеломлённо захлопал глазами, переводя взгляд с Чжун Ина на Беллу, а затем бурно захлопал в ладоши, подхватывая игру:

— Великолепно! И как я сам не додумался!

Беллу нахмурился, чувствуя сомнение.

Но Доменико уже на ходу сочинял ложь, спасая план друга:

— Я ведь с самого начала чувствовал, что в программе «Золотого перезвона», которую мы готовим к твоему юбилею, чего-то не хватает. Теперь я понял! Не хватало этой возвышенной глубины, верности традициям, благородства «Трёх вариаций на тему цветущей сливы»! Беллу, сольная десятиструнная лютия — это же идеальный подарок для твоего праздника! Раз уж Чжун Ин так любезен, почему бы не позволить ему выступить? Этот день рождения ты запомнишь навсегда!

— Нет... — Беллу попытался возразить, но в его голосе уже сквозило колебание, сменившее былую непреклонность. — Фань Чэньюнь в своё время душу из меня вытрясал ради этой лютни. Я с трудом уговорил его подождать, пока лучший мастер изготовит точную копию для моей коллекции.

Он бросил ревнивый взгляд на инструмент:

— Звучание этой копии уступает настоящему «Изящному созвучию», но она — символ нашей дружбы с Шэнь Линем. Я не могу допустить, чтобы с ней что-то случилось. Вдруг публика разочаруется в качестве десятиструнной лютни?

Вместо долгих уговоров Чжун Ин просто ударил по струнам.

Вся его подавленная ярость вырвалась наружу через пальцы, заставив инструмент содрогнуться. На этот раз мелодия не была тихой и умиротворяющей — в ней заклокотали бурные, тёмные течения. Музыка хлынула, точно горный поток, пробивающий себе путь сквозь скалы и острые камни, рассыпаясь ледяными искрами у самого края бездны, прежде чем рухнуть вниз с оглушительным рёвом.

Эта игра пробудила душу «Изящного созвучия», спавшую долгие семьдесят девять лет.

Раньше Беллу хватало мимолётных, обрывочных звуков, чтобы почувствовать прилив сил. Теперь же, под действием мощного прилива музыки, кровь забурилась в его жилах. Непослушные ноги старика мелко задрожали, словно он порывался встать и броситься в этот пенный поток звуков, навстречу долгожданной свободе.

Заметив его реакцию, Чжун Ин резко накрыл струны ладонью. Музыка оборвалась на полуслове.

Беллу замер с открытым ртом, застигнутый врасплох. Опомнившись, он хрипло закричал, указывая на лютню:

— Почему остановился?! Играй! Продолжай играть!

Чжун Ин лишь загадочно улыбнулся:

— Господин Беллу, томить такой инструмент в душной камере — преступление против искусства. Пусть это лишь копия, для меня она остаётся превосходной лютней. Колки держат строй идеально, переходы между тонами безупречны, а её резонанс глубок и чист: прижатые звуки поют о земном, открытые — гремят, как небо. Тот, кто создал её, был великим мастером. Я люблю музыку больше жизни и убеждён: её место — на ярко освещённой сцене, под восторженные овации.

Его слова попали в цель. Беллу, чьё сердце всё ещё колотилось от незавершённой пьесы «Потоки воды», заерзал в кресле. Он нерешительно перевёл взгляд на своего помощника, явно разрываясь между желанием приказать силой продолжить игру и искушением согласиться на условия юноши.

Чжун Ин знал, что победил. Старик был покорён звучанием десятиструнной лютни. «Потоки воды» оставили в его душе неизгладимый след, а в девяносто шесть лет люди остро чувствуют, как скоротечно время и как глупо упускать моменты истинного восторга.

После недолгих раздумий Беллу сдался.

— Доменико... я помню, что создатель «Золотого перезвона», этот Ли Цзиньцю, парень на редкость упрямый.

Эти слова означали полную победу — Беллу согласился на выступление.

Итальянец просиял:

— Не беспокойся об этом, Беллу!

Конечно, он не мог сказать, что Чжун Ин уже давно приструнил строптивого композитора, но уверенно заверил:

— Каким бы упрямым ни был автор, когда он увидит этот редчайший инструмент и услышит такого виртуоза, он сам умоляюще приползёт и заменит гусли-чжэн на десятиструнную лютню! До твоего юбилея три дня. Обещаю, Чжун Ин подарит тебе выступление, какого мир ещё не слышал!

Слова преданного друга окончательно рассеяли сомнения старика. Он дал добро на участие Чжун Ина в концерте и отправил помощника за подходящим футляром.

Пока шли приготовления, Чжун Ин оставался внешне безучастным. Его волновало лишь одно: он вырвал у Беллу целых три дня наедине с «Изящным созвучием».

Полёт из Италии в Китай занимает всего одиннадцать часов. За три дня можно успеть незаметно вывезти лютню из страны. Даже если не удастся повернуть это сразу, у него будет уйма времени, чтобы составить безупречный план.

А если придётся сыграть для этого мерзавца на концерте — что ж, так тому и быть. Шэнь Лин ради этого инструмента тридцать лет терпел нечеловеческие лишения. Стоит ли Чжун Ину жаловаться на необходимость пару минут помуницировать перед врагом?

В превосходном расположении духа Чжун Ин лениво перебирал струны, дожидаясь возвращения слуги.

Ожидание затянулось почти на час, но юноша не скучал, увлечённо обсуждая с Доменико особенности слияния древней лютни с европейским оркестром.

Наконец дверь отворилась, и в библиотеку вошёл помощник в сопровождении крепких телохранителей.

Беллу кивнул:

— Уложите инструмент.

Лютню бережно устроили в бархатное нутро кофра. И тут Беллу озвучил своё главное условие:

— Хоть это и копия, она представляет для меня огромную ценность. Поэтому инструмент ни на секунду не должен покидать поле зрения моих людей. Надеюсь на твоё понимание, мальчик.

Чжун Ин понимающе кивнул.

Вытащить «Изящное созвучие» из этой золотой клетки — уже колоссальный прорыв. А с кучкой телохранителей он как-нибудь разберётся. Найти способ отвлечь хвост — задача решаемая.

Преисполненный уверенности, Чжун Ин проводил взглядом кофр, который лёг в руки личного телохранителя Беллу. Они покинули кабинет.

Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь панорамные окна коридора, золотили чёрную кожу футляра. Казалось, сама природа праздновала освобождение лютни маленьким триумфальным салютом.

— Надо же, она впервые покидает эти стены, — со вздохом обронил Беллу. — Я вечно трясусь над её сохранностью.

— Не переживай, дружище, — Доменико подкатил его кресло поближе и ободряюще похлопал по подлокотнику. — Мы будем беречь её пуце собственного глаза. К тому же твоя охрана будет рядом.

В этот момент все трое испытывали облегчение, хоть и по совершенно разным причинам.

Они миновали просторную гостиную, где Чжун Ин и Доменико ждали аудиенции. На

диване, развалившись и уткнувшись в телефон, сидел знакомый молодой человек. Он хмуро листал ленту новостей, явно раздражённый глупостью сетевых комментаторов.

«Какого чёрта здесь делает Цю?» — у Доменико внутри всё похолодело.

Беллу тем временем добродушно рассмеялся:

— Я ведь опасался, что наш композитор упрётся рогами и сорвёт мне праздник. Вот и пригласил его лично познакомиться с Чжун Ином. Пусть сам убедится, какой самородок будет исполнять его музыку.

Его «забота» мгновенно превратилась для заговорщиков в удавку.

Чжун Ин и Доменико обменялись паническими взглядами, решив, что молчание сейчас — действительно золото.

Колёса коляски Беллу негромко зашуршали по ковру. Ли Цзиньцю недовольно обернулся.

— Чжун Ин? — молодой композитор мгновенно растерял всю свою ленивую небрежность. Он порывисто поднялся с дивана, выпрямив спину и приняв на редкость чинный вид.

Он ждал Беллу, но появление юного гения полностью завладело его вниманием.

Сделав шаг навстречу, Ли Цзиньцю радостно воскликнул:

— Так вот почему ты пропустил сегодняшнюю репетицию! Решил лично навестить господина Беллу?

Все отчаянные знаки, которые Доменико строил за спиной старика, пропали втуне.

Прежде чем Чжун Ин успел перехватить инициативу, Беллу удивлённо приподнял брови:

— Вы уже знакомы?

— Ещё бы! Он виртуозно владеет инструментом, — Ли Цзиньцю наконец заметил, как Доменико корчит ему страшные гримасы, и тут же вспомнил его недавние слова о том, что Чжун Ин приехал в Италию в надежде завоевать расположение Беллу.

В голове композитора мгновенно сложился пазл: нужно срочно помочь товарищу!

Он с жаром приобнял Чжун Ина за плечи и представил его с гордостью старшего брата:

— Уверен, вы уже оценили его талант, господин Беллу. Но уверяю вас: Чжун Ин превзойдёт любого из ныне живущих мастеров. Как единственный ученик вашего любимого мастера Фань Чэньюня, он просто обречён затмить своего учителя! К тому же ему всего восемнадцать лет. Перед вами редчайший, уникальный гений, чьё будущее поистине безгранично!

Лицо Беллу мгновенно потемнело. Он вперился в Чжун Ина ледяным, яростным взглядом и процедил сквозь зубы:

— Так ты ученик Фань Чэньюня?.. И тебе всего восемнадцать?

Доменико картинно схватился за сердце, издав приглушённый стон:

— Что-что?! Надо же, какая неожиданность!..

Чжун Ин лишь молча прикрыл глаза.

Ли Цзиньцю недоумённо захлопал ресницами.

<http://bllate.org/book/20108/1998735>